

Соседние стены

Мария Кейль

Мария Кейль

Соседние стены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70617076

SelfPub; 2024

Аннотация

Ната расписывает стены, Лёня строит отель. У нее в душе осень, у него зима. Она восхищается даже северным морем, его не трогает ничего. Для него всё далеко, а для неё – все соседи.

Мария Кейль

Соседние стены

Осень раскрашивала мир пятнами акварели. Иногда дождь добавлял воды, размывая картины, а туман губкой превращал в дымку силуэты церквей и высоток. Ветер подкидывал листья клёна, дети пинали колючие опавшие каштаны. Небо меняло цвет от глубокого индиго до насыщенного ультрамарина и лазурно-голубого – в зависимости от настроения мира.

Ната собиралась на пленэр. Планшет, альбом для акварели, карандаши, краски, кисти – пони, белка и колонок, стакан-непроливайка, вода. Яблоки, творожное печенье, кофе в маленьком термосе. Она ехала к берегу реки, где красным согревали молодые клёны, а ивы роняли тонкие жёлтые листья в небольшую заводь, и если взять с собой... Да, точно, забыла булку для уток!

За другим окном падал снег, стирая оттенки белым ластиком, превращая пространство в графитный рисунок. Линии деревьев и высотки; город, перетянутый спутанной геометрией дорог и проводов. Чёткие тени без полутонов и рефлекс-

сов, и холодный ветер Русского Севера, гуляющий среди моря и камней.

Лёня хмуро осматривался в отеле, постройкой которого руководил. Всё шло по плану, и, вопреки откровенно нерадивой бригаде, успели подключить коммуникации, запустили отопление. Теперь оставалась только внутренняя отделка.

Ната убрала рыжие волосы в хвостик и накинула ветровку. Что она не любила – так это вытаскивать вел с пятого этажа старой хрущёвки, где лифта даже в теории быть не могло. Квартира досталась от бабушки, но еще на первом курсе Ната осталась одна и зарабатывала на жизнь сама. И уже четыре года делала это любимым занятием – иллюстрацией и росписями на стенах.

Сейчас девушке заказали серию из времен года, и ей надо было представить пару этюдов осени. Подборка весны была готова, с бело-синим ковром подснежников в окаймлении свежей листвы и редких островков снега. Было жаркое крымское лето, со скалами, морем и лавандовыми полями. Была зима, с укрытыми белым дорогами и склонами Алтая, с тёмно-зелёными елями и снегом на не до конца опавших оранжевых лиственницах. Осень она выбрала свою, родную. Зеркала рек и озёр, отражающие небо, где вместо облаков плавают листья. Жёлтая охра и глубокий синий – Ната обожала

это сочетание. Как раз сегодня она закончит, скинет все заказчику, он выберет из каждой серии по одному арту.

Лёня смотрел на серые стены. Рядом стоял собственник здания и по совместительству лучший друг и радостно вещал очередную гениальную идею. Лёня вздохнул:

– Что значит, хочешь другое оформление стен? Мы смету уже одобрили. Не мог раньше сказать?

Вопрос был риторическим. Друг не мог. У друга было денег дофига, и очень переменчивое настроение. Лёня удивлялся, как они вообще проект согласовали, хотя... Спорили они на каждом этапе.

Друг сначала упёрся в отделку стен стабилизированным мхом, а потом вдруг решил нанять какую-то девушку, оплатить ей перелёт, чтоб она расписала стены холла под четыре времени года.

– Это твоя любовница что ли?

Лёня уже заранее ненавидел незнакомку. Он задолбался договариваться с хендмейдерами насчёт этого мха в нужных объёмах. На кой он нужен в отеле горнолыжного комплекса в Мурманской области, Лёня не понимал. Другу, конечно, пофиг на деньги, но вот свои нервы мужчина ценил.

– Да не, просто топовая художница. Выставки волшебные. Я эту девочку в глаза не видел, говорят модная.

Лёня ненавидел слово «модное». Уж лучше была бы лю-

бовница, честно. Он бы сдал её Васиной жене, в которую раньше был безответно влюблён.

– В Мурманске никого не нашёл? Зачем так издалека тащить?

– Ничего ты не понимаешь. Лёня, она пришлёт эскизы. В центре фонтанчик, а по стенам природа.

Ну, хоть фонтанчик оставили, вздохнул про себя Лёня.

Ната села около заводи, и, прежде чем начать рисовать, сделала несколько кадров на телефон. Общие планы, а потом близко – фактурный ствол старой ивы. Сепия, коричневый, травянисто-зелёный, оливковый, светло-жёлтый сливались в причудливый узор, по которому так и хотелось провести пальцами, ощутить шершавую поверхность живого дерева, собиравшегося спать.

Девушка разложила краски и занялась тем, что переносила реальность на бумагу. Солнце, облака, лёгкая рябь воды, круги от острых упавших листьев. На переднем плане огненно-алый клён. Самое главное – вложить свои эмоции, не ограничивать течение красок, а направлять их. Давать цветам смешиваться, но не теряться друг в друге. Мягкие градиенты, при этом чёткие тени. Это и на бумаге было непросто сделать, а вот как это будет на стенах... добиться такой плавности и нежности цвета акварелью не так сложно. А с акрилом и аэрографом далеко не сразу научилась добивать-

ся нужного эффекта.

Её прервал звонок с незнакомого номера. Говорить она не собиралась, да и вообще, кроме мурманского заказчика никто не должен был звонить. Тем не менее телефон отвлекал, мешая уместить огромную реальность на лист бумаги. Ната вырубилась звук и снова погрузилась в процесс.

Лёня звонил пятый раз. После шестого он психанул и отложил несчастный аппарат подальше. И спустя пару часов Вася переслал письмо от неё. Художница. Студентка. Рисунки – обычные акварели.

– Вась, ты уверен? Ничего особенного. Может, всё-таки мох? Его уже купили и привезли.

Вася резко сказал, что его жене понравилось, и его новой гостинице в горнолыжном центре будут именно четыре времени года. Мох можно на второй этаж. И вообще, Вася девочку выбрал, а вот он, Лёня, как начальник объекта, пусть договаривается о билетах и всём остальном. Лёня выругался, и набрал телефон снова. На третий раз художница взяла:

– Слушайте, хватит! Мне от вас ничего не надо! Чтобы вы там ни предлагали! Я вообще скоро улетаю в Мурманск!

– Да твою ж мать! Мне тоже от тебя ничего не надо! – Лёня не удержался и тут же прикусил язык. У собеседницы повисла пауза. Но трубку она не бросила. Он вздохнул. Извиняться он ненавидел.

– Простите, Наталья. Я звоню по поводу росписи стен в Мурманске. Василий сказал заказать вам билет, и встретить вас в аэропорту. Вас экономом устроит?

Снова повисла пауза.

– Да, но нужно два места багажа. А лучше три.

Лёня закипал.

– Три? Что там у вас, на 60 кг? Платьишки?

– Всё по работе, – девушка отвечала сдержанно, – ничего лишнего.

Да она издевается. Хотя... Василий платит.

– Может, четыре?

– Нет, спасибо, – на полном серьёзе ответила она, – если не хватит краски, Василий сказал, вы привезёте.

Хотелось выть, но пришлось вежливо согласиться.

Что пошло не так с этим парнем, и когда – Ната не знала. И дело было явно не в первом разговоре, когда они наорали друг на друга. Снобизма с его стороны девушка не понимала. Портфолио у неё достойное, всего добилась сама.

Когда он встречал ее в местном аэропорту, когда грузил чемоданы с красками, вёл себя отвратительно грубо. Хотя внешне был неплох – и стальные глаза, и тёмные волосы, и разворот плеч. Но... хамло.

– Вы когда закончите?

– Простите, я ещё не начала. – совершенно спокойно от-

ветила девушка, наблюдая гористый и присыпанный снегом пейзаж за окнами.

– Надо же, вроде соседи, но у меня была осень, а у вас зима.

Лёня не без иронии спросил:

– Какие мы соседи?

Ната повернулась к нему и смотрела так пристально, что он на мгновение отвлёкся от дороги и чуть не угодил колесом в яму.

– Какие? Ну, сейчас будем по работе. Но – все мы соседи... в одном мире живём.

Потрясающая наивность. Он сжал руки на руле и нахмурился.

– Не отвлекай меня от дороги, а?

Лёня невольно назвал девушку на «ты». И не собирался с ней что-то обсуждать после чемоданов. Но когда в восемь утра зашёл в холл, то уже обнаружил её там в рабочем комбинезоне, с красками, а посередине стоял проектор с ноутбуком.

– Я начну с весны, – жизнерадостно заявила она.

– Да с чего хотите, – бросил он. – Только побыстрее.

– Мы опять на «вы»? – она дёрнула бровью. – Ну, как хотите, Леонид... Петрович.

– Я Иванович!

– Да-да, я поняла. Будьте любезны, Леонид Иванович, не мешать работать.

Он бы плюнул, но дорогую плитку было жаль.

Меж тем она по проектору принялась размечать стену. Сразу мазками, обозначая белые облака, белые цветки и ку-сочки не стаявшего снега.

Лёня залюбовался. Он здесь такой весны в жизни не ви-дел. Мягкой, красивой и нежной. Но ведь ничего необычно-го, просто подснежники, напомнил он себе.

За стеной тем временем бушевала метель. На втором эта-же собирали стену из мха.

Ната погрузилась в процесс. Мазок за мазком она доста-вала из памяти ощущение свежести, запах растаявшего сне-га, запах цветов. Девушка позволяла всему, что видела ко-гда-то быть и течь через неё на соседнюю стену. Где-то тон-кой кисточкой, где-то аэрографом – она добивалась лёгкости и чувственности акварели на огромной стене. Момент, когда отдохнувший и выспавшийся мир просыпается с новыми си-лами, когда всё свежо и ярко. Самое сложное весной – небо. Особая лёгкость, надо точно угадать с голубым цветом. Сде-лать так, чтоб очарование апреля было действительно вол-шебным.

Кажется, этот Лёня изрядно смутился, когда она попро-сила принести стремянку.

На следующий день он снова смотрел эскизы, а потом произнёс:

– А ты можешь потом зиму нарисовать?

Девушка пожала плечами. После весны по плану шло лето, но за окнами завывал буран, и настроение менялось так же, как направление ветра. К вечеру она закончила весну и перешла к горам и соснам Алтая, чем-то похожим на то, что творилось снаружи гостиницы. Зима вопреки инструменту и краскам, и обманчивой мягкости, выходила у неё всегда графичной. Линии, линии, тени. И даже зелёная хвоя ёлок и оранжевые иглы лиственниц не рушили бесцветного холода гор.

Мороз словно ворвался в зал и прошёл сквозь пространство.

Девушка не заметила, как, не отрываясь, за ней наблюдал мужчина. Края зимы мягко переходили в весну, а с другого края в осень.

Она вложила туда все ощущения от холодной встречи, от взгляда и разговора.

– Вот это неплохо, – услышала она голос за спиной. И тут же другой, голос заказчика.

– Да ладно, Лёня, за окно посмотри. Натали, не обращайтесь внимания. Заканчивайте зиму, у нас её и так много. Я Василий, кстати.

Она кивнула и спустилась со стремянки. Протянул руку, испачканную в краске, но ни Василий, ни блондинка с иде-

альным маникюром у неё за спиной не поддержали рукопожатия. Холеная дама лишь высокомерно произнесла:

– Да, Натали, мы хотим лето.

Лёню взбесил визит друга с женой – мужчина до сих терпеть не мог видеть их вместе. А сейчас, вдобавок, они отвлекли и будто разрушили магию, особенно тем, как отказались пожать ей руку. Подумаешь, краска!

Было нечто завораживающее в том, как работает девочка. Он действительно не мог понять, что же в ней такого. Просто красивые картины и усердный труд. Он работал не меньше каждый день, но находил время замереть перед возникающими панорамами. Тем временем вслед за весной и зимой появилось лето.

На середине лета она подошла к нему сама.

– Ммм, Леонид Иванович?

Он скрипнул зубами.

– Чего вам?

– Василий говорил, что можно заказать ещё краски.

– Да, я завтра поеду в Мурманск. Что вам привезти?

Она сказала ему.

– Это же строительный акрил. Белый.

– Ну да. У него сцепление с поверхностью лучше, укрывистость тоже. А колеры у меня свои.

Но на следующий день снова началась метель. Девушка

заканчивала лето. Тонкой кисточкой проходила и добавляла деталей на морские волны, и словно оживляя крымский бриз.

– Не похоже на наше море.

Она обернулась.

– Зовёте посмотреть ваше море, Леонид Иванович?

Он аж поперхнулся.

– А поехали!

Метель закончилась, он прогрел машину. Она наблюдала за пейзажем в окно всё с тем же любопытством. И даже с радостью вышла на скользкие камни. Северное море шумело, гремело и доставало студёным касанием даже издали. Девушка втянула солёный воздух полной грудью, вздохнула и с чувством произнесла:

– Потрясающе! – И, с не меньшим воодушевлением добавила, – спасибо тебе огромное!

Лёня отвернулся. Он-то хотел слегка отрезвить эту восторженную художницу, но такой радости он не ждал. И даже сам огляделся: что здесь такого потрясающего?

Ничего особенного не было, но она достала телефон и принялась снимать.

– Ещё раз спасибо... Лёня, – с чувством сказала она по дороге обратно.

На следующий день она принялась работать над осенью.

Осень у неё получалась рыжая, тёплая и светлая. Будто кто-то родной обнимал и касался сердца. Словно говорил, что всё будет хорошо.

Всё будет хорошо, Лёня.

Только его отвлекли с монтажом этого несчастного мха на втором этаже, и мужчина не мог наблюдать, как на стене появляется заводы с ивой, и как там падают листья, и как плывёт серая уточка. Через пару дней он обнаружил уже законченную стену.

И довольного Василия.

– А где художница?

– Натали отвезли в аэропорт уже. Смотри, классно вышло.

Василий огляделся и вышел. Ему просто было красиво. А Лёня пошёл по кругу. Из зимы он вёл пальцами по стене и под руками поверхность теплела, будто там, за стеной действительно солнце топило снег и создавало проталины. Будто Лёня действительно оказывался в весне и дальше, в обжигающем южном лете с лёгким бризом и вкусом соли на губах.

И... он замер около законченной осени. Она дышала уютом, и чем дольше он смотрел на стену, тем больше словно оказывался там, на берегу, рядом с девушкой, будто видел, как она крошит булку и кидает крошки в воду. Будто слышал, как в теплоте раздражающе звонит телефон с неизвестным номером... С его номером! Дыхание щекотал запах яблока и творожного печенья, и кофе из термоса...

– Это какая-то чёртова магия.

Он отшатнулся. На мгновение стало страшно, казалось – ещё чуть-чуть и он нырнёт, раствориться в чужом ощущении, в чужом восприятии реальности.

Между зимой и осенью была небольшая разница – всего-то несколько дней, или всего-то несколько часов. Смотря откуда ехать или лететь, и смотря на чём.

Когда Ната вернулась, в заводи ещё плавали уточки, и на веле кататься было не слишком холодно.

Да, в воздухе чувствовалась близость зимы. Но это соседство её никогда не смущало. Она представила новый эскиз как дипломную работу и ей отдали холл нового корпуса. И на длинной стене родного универа медленно начало расплзаться северное море. Холодное, беспощадное, принимающее только сильных, и невероятно свободное. Это соседство сначала кого-то напрягало, мол, нечего холод разводить... Но всё больше и больше студентов перед сессией на пару минут замирали перед бескрайней волей севера, впитывая силу перед экзаменами. Смотреть на стену и наполняться силой воли и упорством стало хорошей традицией.

Лёня сидел напротив осени и листал новый выпуск архитектурного журнала. И там, после их гостиницы, было оформление одного ВУЗа. Спутать было невозможно. С

огромной стены на фото буквально выплёскивалось холодное северное море. Такое знакомое, близкое, но далёкое. Дипломный проект студентки-художницы, умницы-красавицы и полной сироты. Девочка-осень...

Против воли у него вырвалось «Потрясающе». Около стены на фото толпились студенты – они загадывали успешную сдачу экзамена.

В центре отеля туристы кидали монетку в небольшой фонтанчик, и обязательно останавливались перед одним из времён года, загадывая желание.

Он и сам порой подходил к заводи с ивой... словно роспись была заколдована. Хотя... словно ли? Смотреть на стену и набираться сил и тепла стало хорошей традицией.

Лёня улыбнулся и набрал зачем-то сохраненный контакт. Вот только пусть попробует сейчас не взять телефон.

Мягкими потоками дождя мир смывал снег, открывая черную землю и всходы озимых на полях. Ната гнала вел по дороге к реке. Ей хотелось застать в заводи перелетных птиц.

Но стоило ей сесть и разложить краски, как у нее зазвонил телефон, отвлекая ее от рисунка. Номер ей был смутно знаком... Она приняла вызов.